

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

АЛЬПИЙСКАЯ ОХОТА

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Альпийская охота

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Альпийская охота / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2026 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-249304-1

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». Май 1945 года. Советская разведка разыскивает скрытую в Альпах секретную лабораторию известного кибернетика Отто Клаусена, создавшего для гитлеровцев уникальную систему машинного шифрования. Известно, что Клаусен ведет переговоры с американцами, предлагая свои труды в обмен на новую жизнь. Этого допустить нельзя: военные разработки и их автор должны быть захвачены или уничтожены. Первая группа советских поисковиков бесследно пропала в горах. Берия приказывает послать по следу кибернетика разведчиков Максима Шелестова. Бойцы сливаются с отступающей немецкой воинской частью и движутся к границе, где скрывается Клаусен. Шелестов еще не знает, что его группе предстоит вступить в схватку с головорезами сразу нескольких вражеских разведок... «Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». — С. Кремлев

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249304-1

© Тамоников А. А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Александрович Тамоников

Альпийская охота

© Тамоников А.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Глава 1

10 мая 1945 года в Берлине не пахло весной. Пахло тлением, пылью и пеплом. Воздух, густой и тяжелый, был пропитан сладковатой, приторной нотой разложения, которая перемешивалась с едкой гарью, запахом мокрого обгоревшего кирпича и холодного железа. Особая оперативная группа Главного управления госбезопасности НКВД СССР под командованием подполковника Шелестова прибыла в Берлин во второй половине дня. Офицеры хорошо понимали, что увидят город значительно разрушенным после страшных боев. Но особенно потрясен был Михаил Сосновский, который работал в Берлине до войны. И сейчас столица Третьего рейха была больше похожа не на город, а на руины.

Там, где должна быть улица, сейчас оставались лишь развалины: обрушенные стены, из которых торчали скрюченные балки. Расчищенная на скорую руку брусчатка под ногами была усыпана осколками стекла, поблескивающими как слезы, и мелкой кирпичной крошкой. Фасады, еще сохранившие следы былого величия – лепнина, карнизы, – были испещрены шрамами от пуль и осколков. Сквозь развороченные снарядами оконные проемы хоть как-то уцелевших стен на людей смотрела темными глазницами мертвая пустота.

Всюду царил неестественная, оглушительная тишина, нарушаемая лишь скрипом сдвигающихся обломков, редкими криками саперов и далеким приглушенным стуком, который производили рабочие, проводя восстановительные работы. Дважды оперативники видели очередь из стариков, женщин и детей с тарелками, котелками и обычными кастрюльками возле солдатских полевых кухонь, выставленных прямо в развалинах. Немцы! Они стояли у походных кухонь русских солдат-победителей и получали тарелку супа. А в глазах... У кого-то пустота, у кого-то мольба и отчаяние. Оперативники шли по улицам поверженного Берлина, и никак не верилось им в то, что стоит такая тишина.

Но эта тишина была обманчива. Она как будто была густо населена призраками. В ней слышалось эхо недавней ярости: рев залпов «катюш», лязг гусениц, грохот разрывов снарядов, непрекращающаяся стрельба автоматов и пулеметов и предсмертные крики. Эти звуки будто впитали в себя сами камни.

Иногда ветер, пробираясь сквозь развалины, поднимал с земли серую пыль и пепел. Он шелестел обугленными страницами книг, каким-то тряпьем, разбросанным по развалинам, трепал клочья дорогих обоев, свисавших с обнаженных стен. Среди щебня лежали немые останки чьей-то оборвавшейся жизни: фарфоровая кукла с отбитым лицом, разбитый патефон, раскрытая Библия. И среди этого всеобщего разрушения особенно зловещими казались уцелевшие здания фашистского правопорядка. Массивные, почти невредимые здания министерств, банков, штаб-квартир гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе. Их тяжелые, непроницаемые фасады холодно и высокомерно взирали на окружающее разрушение. За их толстыми стенами еще как будто дышал другой мир: запах воска, кожи и старой бумаги. Бесконечные коридоры, пустые сейфы с зияющими дверцами, аккуратные горы пепла в каминах – следы лихорадочного уничтожения улик.

– Ну, вот и все, – тихо сказал Сосновский, остановившись посреди улицы, усыпанной битым кирпичом, толстым слоем пыли и стреляных гильз. – А я ведь помню Берлин совершенно другим.

– Фашистским? – хмуро осведомился Коган, глядя на советских солдат, которые вместе с санитарными командами временных местных органов власти выносили из развалин найденные тела.

– Ты знаешь, Боря, – задумчиво ответил Сосновский, – нацисты – это группа людей, пусть очень большая группа людей, которая запудрила мозги целому народу. А ведь в истории этого

народа были и светлые эпохи, это целый пласт европейской культуры. Я верю в возрождение прежней Германии без нацистов, без идеологии расового превосходства.

– Ну, вот прежде чем начнется это возрождение, – усмехнулся Шелестов, – мы должны приложить все усилия, чтобы переловить главных виновников мировой трагедии под названием Вторая мировая война. Наш народ вынес на своих плечах всю тяжесть этой войны, и у нас есть право проследить, как будет возрождаться Германия... Виктор, ты слышал репортаж из Москвы о праздничном салюте?

– Да, – кивнул Буторин и, не сдержавшись, улыбнулся. – Знаете, за эти страшные годы мы так привыкли к голосу Левитана, который извещал нас о потерянных городах, а потом о наступлении Красной армии. И мы невольно оценивали, сколько еще жизней наших солдат положено ради вот этого дня. А тут его сообщение о подписании Акта о безоговорочной капитуляции и о том, что война окончена. Окончена! Более долгожданного слова у нас никто и не знает.

И Буторин стал рассказывать о репортаже, который слушал по радио здесь, в Берлине. О том, как ликовали москвичи на вечерних улицах города, в котором отменили правила светомаскировки. Только с 29 апреля в Москве снова засияли вечерами окна домов, улицы снова заливались огнем фонарей. Рассказывал о празднике, о слезах радости на глазах людей. И о салюте из 30 артиллерийских залпов тысячи орудий. О том, что он сопровождался перекрестными лучами из 160 прожекторов и пуском разноцветных ракет.

Он говорил, а мимо шли беженцы с тележками, велосипедами, ковыляли старики по развалинам в поисках чего-то, что еще может послужить, а что-то можно будет обменять на еду. И снова полевые кухни, которые кормили местное население, оставшееся без власти, без надежды, скованное страхом перед возможной карой за содеянное. Четверо оперативников, прибывших в Берлин, чтобы участвовать в розыске нацистских главарей, шли по разрушенному городу и никак не могли поверить, что война окончена. И то, что произошло дальше, по большому счету никого не удивило. Этого следовало ожидать, и к этому нужно быть готовым каждую минуту, несмотря на мирное небо над головой и подписанный акт о капитуляции.

Детский крик заставил четверых советских офицеров остановиться и повернуться в сторону трехэтажного здания, наполовину разрушенного. Именно в его целой половине, где сохранилась часть крыши и даже лестничные марши и перегородки, что-то происходило. Шелестов первым не задумываясь бросился на шум, выхватив из кобуры пистолет. Оперативники поспешили за командиром, озираясь по сторонам и спотыкаясь о битый кирпич. Сначала они увидели худенькую бледную девочку лет шести или семи с коротко остриженными, давно не мытыми волосами. Платье ее было порвано на плече, чулки сползли с худеньких коленок. Ребенок лежал среди камней и поломанной мебели и рыдал, невнятно выкрикивая какие-то слова по-немецки.

Что тут произошло, стало ясно почти сразу. В темном углу разрушенного коридора на кирпичях сидел подросток в черной запыленной форме гитлерюгенда¹. Даже его волосы были в пыли, а на ногах стоптанные, явно с чужой ноги ботинки с порванными и грубо связанными узлами шнурками. Паренек жадно ел из котелка прямо рукой, обжигаясь и давясь. Рядом на камнях лежал автомат. Было понятно, что этот мальчишка только что отобрал котелок с едой у девочки. А она ведь его несла кому-то. Судя по всему, тому, кто сам не мог идти к полевой кухне русских солдат.

Увидев русских, мальчишка весь собрался в комок, сжался, глядя на офицеров не столько с ненавистью, сколько с ужасом. Немец вдруг выронил котелок и схватил автомат. Оперативники бросились в разные стороны, пытаясь укрыться от пуль за стенами. И тут же вдогонку им

¹ Гитлерюгенд (нем. Hitlerjugend – гитлеровская молодежь). Нацистская молодежная организация в гитлеровской Германии.

ударила длинная автоматная очередь. Коган прыгнул в укрытие последним, задержав взгляд на несчастной девочке. Эта заминка едва не стоила Борису жизни – одна пуля едва не чиркнула его по погону, а вторая сбила с головы фуражку. Падая, Коган отполз в сторону и попытался понять, кто же из его товарищей ближе всего к девочке.

Шелестов и Сосновский были рядом, когда немецкий мальчишка открыл по ним огонь. Максим машинально взвел курок пистолета, прикидывая расстояние до ближайшего разбитого дверного проема. Если проскочить туда, то удастся зажать этого дурака с двух сторон. И тогда можно или заставить его сложить оружие, или ликвидировать. Учитывая ситуацию, они имели на это полное право. Но Сосновский схватил командира за рукав гимнастерки, удерживая за грудой битого кирпича, и крикнул по-немецки:

– Прекрати стрелять, брось оружие!

– Не возьмете! – истерично крикнул мальчишка. – Хайль Гитлер!

– Ах ты, щенок, – зарычал Шелестов, и тут новая очередь прошла по верху груди кирпича возле его головы, заставляя снова сползти вниз и не выставлять голову.

– Подожди, – снова дернул командира за рукав Сосновский и закричал парню: – Дурак, ты никому не нужен! Твой Гитлер застрелился, вермахт капитулировал. Брось автомат и иди домой к матери!

– Врете, врете! – кричал мальчишка, продолжая стрелять короткими очередями.

И вдруг его автомат замолчал, как будто захлебнулся. И сразу же в той стороне, где немец только что стрелял, прижимаясь спиной к стене, раздался какой-то шум, посыпался мусор и осколки кирпича. Сосновский и Шелестов переглянулись и бросились вперед, разделившись так, чтобы дистанция между ними была хотя бы метра три. Но стрельбы больше не было, а в полумраке пыльного угла развалин происходила какая-то возня. Короткий возглас, кто-то тонко вскрикнул от боли, а потом раздался недовольный голос Буторина:

– Ах ты, волчонок! Зубы-то какие крепкие...

Автомат валялся в стороне на кирпичах, под сапог попался немецкий армейский штык, а потом Буторин встряхнул за шиворот и поставил на ноги отчаянно сопротивляющегося паренька. Одна рука Виктора сжимала воротник куртки мальчишки, а вторая – запястье его правой руки. Шелестов и Сосновский подошли, засовывая свои пистолеты в кобуры на ремне. Немец сник и перестал дергаться. В тишине развалин слышно было только, как он яростно шмыгает носом.

– Можете убить меня, – прошипел мальчик по-немецки.

– Ты так хочешь умереть? – спросил мальчика Сосновский. – А кто страну восстанавливать будет, кто будет заботиться о немцах, кто их накормит? Фюрер ваш застрелился, его подручные разбежались, и остались только такие, как ты, женщины и старики. Ты хоть понимаешь свою ответственность перед страной? Не стрелять надо, а кормить, одевать, строить!

Мальчишка поднял недоуменный взгляд на русского офицера, который так хорошо говорил по-немецки, как настоящий уроженец Берлина. А потом его взгляд устремился куда-то между русскими. И тогда мальчишка нахмурился еще больше. Оперативники обернулись и увидели, что Коган ведет к ним за руку ту самую девочку, чей крик привлек их внимание. Борис подвел плачущую девочку, поднял с камней котелок, из которого содержимое вылилось на строительный мусор, а потом поднес его к самому лицу мальчишки.

– Кто так поступает? – спросил Коган по-немецки. – Немецкий юноша, который хочет защищать свой народ? Или так поступают варвары, которые напали на цивилизованную страну? Кто отнимает еду у ребенка? Ты? И кто ты после этого? Кому она несла котелок с супом?

– Дедушке... – прошептала девочка и, неожиданно повернувшись, уткнулась лицом в гимнастерку Когана и заревела снова.

Это было так удивительно, с таким доверием к сильному человеку, просто к тому, кто сейчас мог помочь, кто пожалел в безвыходной ситуации, для кого ее беда, ее горе было разрешимо. И мальчишка, который только что стрелял в русских, в тех, кто захватил его город, убивал немцев, вдруг увидел совершенно другую картину. Они не убили его самого в ответ на стрельбу из автомата, они пожалели девочку, они сейчас смотрели строго и ругали его, как это когда-то делал его школьный учитель. И все это уже не было похоже на войну. Куда-то далеко улетели эхом призывы доктора Геббельса из радиоприемников, грохот артиллерии, лязг танковых гусениц на улицах столицы, визгливый голос наставника его группы в гитлерюгенде. Всего этого уже не было, и почему-то даже не особенно верилось, что все это было. Просто этому мальчику всю его жизнь втолковывали о расовом превосходстве немцев, а потом две недели страшных боев – и его ненависть выплеснулась в эти автоматные очереди. Но перед ним были дяденьки, которые ругали его и стыдили, а потом пожалели немецкую девочку. А он отнял у нее суп. Хотя клялся защищать таких, как она. Помутившийся разум вдруг стал проясняться. И он снова стал тем самым мальчишкой-школьником, а взрослые так и остались взрослыми людьми, которые всё решали, за все отвечали и делали этот мир таким, каким он им был нужен. А он мальчишка, и больше ничего.

Он шел, спотыкаясь. И когда русские вывели его на улицу и посадили на камни, тот самый черноволосый вернулся к кухне, и ему налили снова котелок супа. И потом русские потащили его вместе с девочкой куда-то в развалины. И там в доме без стены, на кровати они нашли старика. Беспомощного, с трясущимися руками и слезящимися глазами. И русские заставляли его смотреть, как эта девочка, хлюпающая носом и шепча какие-то добрые и нежные слова, кормила дедушку с ложки и вытирала платком ему подбородок. Мальчик смотрел, как девочка, пытаясь выразить благодарность, приседала в книксене и все тараторила слова благодарности господам офицерам. А когда ее стали расспрашивать, она снова расплакалась и рассказала, что отец ее не вернулся с фронта, а мама пропала во время бомбежки. И она осталась одна с дедушкой и кормила его, пока не кончились продукты. А потом она пошла искать еду и увидела кухню и немцев, которым наливали суп, и ей налили. Ей даже дали для этого свой котелок чужие солдаты. Шелестов смотрел на этого немецкого парня и физически ощущал, как у того в голове переворачивается мировоззрение в связи с тем, что он увидел. Орды дикарей, которые придут и будут все уничтожать, убивать, насиловать, грабить, пожирать детей, плясать на костях немцев, вдруг превратились в нормальных людей. Да, строгих, но понимающих, что такое человечность, уставших от войны, но готовых и дальше сражаться за свои идеалы, ради своих целей, за свой народ. А вот немцы... такие, как вот этот паренек, они тут были лишними, они были тенью прежнего страшного мира, его страшного конца.

– Что за мальчишка?

Майор Крапивин из городской комендатуры встречал группу на аэродроме, помогал устроиться. Сейчас, увидев Шелестова и его товарищей на камнях неподалеку от полевой кухни, он остановил мотоцикл и подошел к оперативникам.

– Знакомая публика? – спросил Шелестов.

– Да, пока еще встречаются, приходится вылавливать. Фанатики.

– Пороть их надо, – буркнул Буторин, – как у нас пороли во все времена. Теперь уже поздно.

– А мне кажется, что этот многое уже понял, – покачал Коган головой. – В каком-то смысле он уже сам себя выпорет бессонными ночами и горячим стыдом.

Крапивин смотрел на немецкого парня, как тот смотрит на город, на немцев: и тех, кто помогает расчищать улицы, и тех, кто стоит в очереди за пищей, как он опускает голову и кусает губы. Явно не то ожидал увидеть этот паренек после прихода Красной армии. И майор из комендатуры решил за всех. Он повернулся и крикнул по-немецки:

– Густав! Подойдите сюда, пожалуйста!

От группы немцев, грузивших обломки бревен на машину, отделился высокий пожилой человек в длинном черном пальто и с седыми кайзеровскими усами. Он подошел, вытирая ладонью лицо. Не вытянулся перед русским офицером, не щелкнул с готовностью каблуками. Было в этом старике и какое-то достоинство, и понимание.

– Да, господин майор?

– Густав, вы знаете этого парня?

– Нет, он мне незнаком. – Старик оглядел паренька с головы до ног и нахмурился, он наверняка понял по его одежде, к какой организации тот принадлежал.

– Возьмите-ка вы его под свое покровительство, Густав. Запутался паренек, но, кажется, он начал многое понимать. А у вас он прозреет, по-другому станет смотреть на новый мир без нацизма.

Старик постоял возле русских офицеров, глядя на парня, потом вздохнул и кивнул ему:

– Пойдем со мной.

Паренек удивленно посмотрел на Густава, поднялся. Потом непонимающе оглянулся на русских, но Шелестов махнул ему рукой.

– Иди, иди! С Густавом. Будешь работать с ним: помогать людям, город восстанавливать. И страну.

– Товарищ подполковник, – Крапивин бросил взгляд на наручные часы, – вас срочно просит прибыть к себе генерал Берзарин.

Платов в Москве шел по коридору в сторону кабинета Берии, здороваясь по пути с коллегами. Внешне он был спокоен. Никто не мог похвалиться, что видел комиссара государственной безопасности хоть раз в жизни раздраженным, взбешенным. А тем более напуганным, расстроенным. В феврале 1944 года одновременно со своими прочими обязанностями ему пришлось возглавить отдел «С», который занимался агентурной работой и обобщением материалов по атомной проблематике. А в мае 1945 года ему пришлось возглавить отдел «Ф» НКВД СССР. Сейчас, когда война закончилась, очень важно было активизировать работу с гражданами СССР на территории Восточной Европы и побывавшими в плену или интернированными. Это предполагало большой объем агентурной работы, чисто проверочной: проверка и фильтрация репатрируемых советских граждан и граждан союзных и нейтральных государств.

И сейчас Платов шел к Берии с докладом о том, что группа «Химера» уже двое суток не выходит на связь. Петр Анатольевич снова и снова прокручивал в голове последнюю информацию. Ничто не предвещало провала, могла произойти только случайность, одна из тех, которые предвидеть невозможно. Но это слабенький аргумент в докладе руководству...

– Разрешите? – Платов открыл дверь и замер на пороге.

В кабинете Берии горели все светильники и люстры. Там было светло как днем, и это радовало. Будь сейчас в кабинете наркома полумрак, и снова накатит сонная вялость, снова начнут утекать последние силы. Берия только что вернулся с ночного совещания Государственного комитета обороны и теперь сидел за столом и что-то быстро писал на листе бумаги. Платов подумал, что у Берии может быть очень мало времени и доклад ограничится общими сведениями и до дела «Химеры» не дойдет. Но нарком поднял ясные внимательные глаза на Платова и бросил на стол карандаш. «Двужильный, – подумал комиссар госбезопасности, – точно двужильный».

– Садись, Петр Анатольевич! – приказал Берия, убирая лист бумаги, на котором писал, в верхний ящик стола. – Ситуация накаляется, становится все сложнее. А мы-то мечтали, что закончится война и сразу отдохнем. Мечтали? А вот не вышло отдохнуть, все только хуже становится. Инженеры проекта ФАУ, по нашим сведениям, попали к американцам, атомный проект утекает между пальцами... Что у тебя? Какие сведения от группы «Химера»?

«Ну, вот и все, – мрачно подумал Платов. – И здесь неприятность, и здесь у нас не получилось. Сломали хребет нацизму, а сливки вместо нас снимает Запад». Но Петр Анатольевич сразу же взял себя в руки и отогнал мрачные мысли. «Какого черта я распустил сопли!» Множество чертежей, проектная документация по ФАУ у нас, есть образцы, есть двигатели, есть немецкая аналитика по неудачам, аварийным пускам. А Курчатов активно использует немецкие достижения по атомному проекту. Немецкие специалисты уходят на Запад? Да к черту их! Наши лучше, наши пойдут дальше. Ведь немцы уперлись в стену, и мы знаем, почему и на какой стадии. Но с «Химерой» все плохо, а я даже не знаю, что это за проект. Все случилось так быстро: приказ, оперативно собранная группа, которую передали опытному разведчику, шесть лет проработавшему в Германии...

– «Химера» двое суток не выходит на связь, товарищ нарком, – спокойно ответил Платов, хотя внутри у него все сжалось от неприятных предчувствий.

Выражение лица Берии не изменилось. Он по-прежнему смотрел на Платова, только глаза его стали другими. В них отразилась смертельная усталость от этой войны, запрятанная так глубоко, чтобы не мешать работать, чтобы изо дня в день искать решение, принимать на себя нелегкую ответственность и работать, работать, работать. Сутками, несмотря на то, ночь сейчас или день. И каждую неудачу пропускать через себя, чтобы четко понять, где ошибся ты, а где другой. Можно ли еще доверять, какой объем работы можно доверять, на что вообще еще способен человек, который с тобой рядом, который делит эту ответственность, не оглядываясь на нее, не щадя себя.

– Двое суток, – повторил Берия. – Что они могли успеть за эти двое суток, где они сейчас могут быть и что могло произойти? Провал, случайность, утечка?

– Самолет взлетел пятьдесят два часа назад. Через три часа группа должна была высадиться на перевале Гросглокнер, в двух километрах севернее деревушки Хайлензиль. Кодовое слово в эфире не прозвучало. Это может означать и авиакатастрофу при посадке или то, что самолет сбит истребителем союзной авиации.

– Может означать и то, что рация была уничтожена в горах, – ледяным тоном добавил Берия. – Ты говорил, что группу формировали из людей, имеющих горную подготовку? Маловероятно, но может быть все. Если уничтожена рация, мы даже не узнаем, дошли они до лаборатории или нет. Ты понимаешь, Петр Анатольевич, что мы с тобой находимся в безвыходном положении? У нас нет другого варианта, другого выхода нет, кроме как захватить Клаусена с его оборудованием и материалами или уничтожить и его, и материалы, и все оборудование. Его не должно быть, не должно существовать. Оно должно достаться нам или должно быть уничтоженным раз и навсегда.

Платов это знал. Они не раз обсуждали все варианты операции по поиску «Голема». «Големом» советская разведка называла проект немецкого ученого Отто Клаусена. Сначала в поле зрения попала деятельность американского математика Норберта Винера. Талантливый ученый, который работал над математическим аппаратом для систем наведения зенитного огня. Он успешно создавал детерминированные и стохастические модели по организации и управлению американскими силами противовоздушной обороны. Но результат превзошел все ожидания. Винеру удалось предложить новую действенную вероятностную модель управления силами противовоздушной обороны.

Но не это взволновало советских ученых и разведку, когда стали понятны перспективы этих изысканий. В первых статьях Винера, в его первых докладах в научном сообществе прозвучало слово «кибернетика». Слово, понятие, которое американский ученый обосновывал как управление и связь в животном и машине. Винер был одним из первых исследователей стохастических и математических шумовых процессов, внес вклад в область электронной инженерии, электронной связи и систем управления.

А ведь все началось с обработки сигналов, с так называемого фильтра Винера – идеи, предложенной Винером несколько лет назад и опубликованной в 1942 году в виде засекреченного документа. Его цель – уменьшить количество шума в сигнале, сравнивая его с оценкой желаемого сигнала без шума. Винер разработал этот фильтр в своей лаборатории для предсказания положения немецких бомбардировщиков по отражениям радиолокационного сигнала. В результате возникла математическая теория предсказания будущего наилучшим образом на основе неполной информации о прошлом. Это была статистическая теория, включавшая в себя приложения, которые, строго говоря, не предсказывали будущее, а лишь пытались удалить шум. Да, работы Винера, его исследования и последующая теория касались только аналоговых сигналов. Но советские ученые уловили главное – то направление, куда ушел Отто Клаусен, – перспективу формализации понятия обратной связи, имеющей множество последствий для инженерии, системного управления, управления информацией, биологии, философии и организации общества. Немец был хорошо осведомлен о работах Винера. Он нашел свой путь – создание аппаратуры, которая не ограничивалась шифрованием и дешифрованием сигналов. Она вычисляла результат того или иного явления, процесса, создавала математическую модель. Использование результата исследований Клаусена, тем более если их совместить с достижениями Винера, давало такое чудовищное преимущество стране – обладателю этих достижений, что результаты следующей войны страшно было даже представить. А то, что она неизбежна, хорошо понимали и Берия, и Платов. Поэтому решение было однозначным – поиск и захват Клаусена с его материалами и оборудованием либо уничтожение. Лаборатория находилась в Австрийских Альпах. Немецкий ученый не хотел попасть в руки советской разведки и намеревался выйти через горы к американцам в зону оккупации союзников. Ему удалось наладить связь, и теперь Клаусена должны были встретить американские командос из СИС² в районе Инсбрука. Слишком поздно удалось установить, где находится лаборатория, слишком поздно была получена информация о намерениях Клаусена уйти к американцам. На подготовку и начало операции по перехвату времени было катастрофически мало. А теперь еще и не вышла на связь группа, которую Платов отправил за Клаусеном. Шесть человек во главе с опытным разведчиком, который несколько лет работал в Берлине. С ним двое из его берлинской группы и четыре человека из привлеченных подпольщиков-антифашистов.

– Какие есть предложения? – Берия откинулся на спинку стула и принялся барабанить пальцами по крышке стола. Было件нятно, что без предложений не обойтись, что операция важна, но посылать без подготовки другую группу – это значит заведомо отправлять людей на смерть. И практически без шансов на успех. Платов это знал, Берия тоже это прекрасно знал. Знал, но все же задал вопрос:

– Какая там сейчас может быть обстановка? В той части Австрийских Альп, куда мы не дошли?

– Сложная, – заговорил Платов, вспоминая карту горной страны. – Войсковых операций там никто не проводил, да и соваться туда частями и соединениями – дело гибельное. Союзники проникают в предгорья Альп и к крупным городам своими небольшими поисковыми отрядами, разведгруппами. Через Альпы в зону оккупации союзников отходят разрозненные фашистские группы. В основном эсэсовцы, которые хотят сдать в плен американцам, а не нашим войскам.

Когда Шелестов со своей группой прибыл в штаб-квартиру советского гарнизона в здании училища в районе Карлхорст, дежурный офицер сообщил, что военный комендант ждет их, и указал на высокую дубовую дверь. Генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин сидел за

² Корпус контрразведки (*англ.* Counter Intelligence Corps, CIC) – спецслужба Армии США во время Второй мировой войны и в начале периода холодной войны.

массивным столом, подписывая какие-то документы. Рядом стоял адъютант, подкладываявший каждый раз коменданту новый документ. Увидев Шелестова и трех его оперативников, комендант одним жестом велел адъютанту выйти и поднялся навстречу офицерам. Коренастый, с фигурой и осанкой основательного человека, Берзарин крепко пожал руки всем четверым и пригласил садиться. Когда офицеры расселись у длинного стола для совещаний у окна, Шелестов, полагая, что поступила новая информация о предполагаемом трупe Гитлера и Евы Браун, спросил:

– Есть новости по экспертизам?

– Да, есть, но пока все предварительно, – кивнул комендант. – Тут дело в другом, товарищи, – вас требует на связь Москва. Причем срочно.

– Неужели появились новые данные о фашистских главарях? – Буторин переглянулся с товарищами.

– Не знаю, что вам и ответить, – усмехнулся Берзарин, – но мне строго приказано оказать вам всю возможную и невозможную помощь в подготовке предстоящей операции. Сообщение с литером «Воздух» за подписью заместителя председателя Государственного комитета обороны. Ожидайте вызова из Москвы.

– Заместитель? – удивился Шелестов. – Молотов?

– Берия, – коротко ответил Берзарин.

То, что заместителем председателя ГКО был Молотов, Шелестов прекрасно знал. Берия всегда был просто членом комитета. То, что он теперь получил статус заместителя, было новостью. Группу разместили в отдельной комнате, а Шелестов ушел ждать звонка из Москвы по ВЧ-связи. Ждать ему пришлось недолго. Не прошло и часа, как Шелестова позвали к аппарату ВЧ.

– Максим Андреевич, у вашей группы срочно меняется задание, – без всяких предисловий заявил Платов. – Генералу Берзарину отправлен строжайший приказ оказать вам любую, я подчеркиваю – любую и незамедлительную помощь в подготовке к выполнению задания. Теперь слушайте о том, какая задача ставится вашей группе...

Карта Австрийских Альп была доставлена через полчаса. Шелестов, сосредоточенный и напряженный, пересказывал оперативникам содержание разговора с Платовым и суть приказа Берии. Слушая командира, каждый оперативник сразу понял, что задача не из легких. По сути – это «пойди туда – не знаю куда и найди то – не знаю что». Координаты, точнее, ссылка на приметы, по которым можно найти в горах пещеру, где в конце войны размещалась лаборатория Клаусена, имелась. Представление имелось и о том, что собой представляют материалы и оборудование, которые необходимо захватить. Была и довоенная фотография немецкого ученого Отто Клаусена. Но добраться до лаборатории и самого Клаусена было сложно и смертельно опасно. Война кончилась, но кончилась она на территории Германии и других европейских стран, а там, в горах, еще звучали выстрелы, там еще встречались пробирающиеся на Запад разрозненные подразделения озлобленных эсэсовцев.

– Не факт, что и союзники нам обрадуются, если мы нагоним Клаусена в их зоне оккупации и потребуем его себе, – добавил свою «ложку дегтя» Сосновский. – Скорее всего, нас шлепнут и скажут, что знать не знают ни о какой группе Шелестова и тем более немецком ученом Отто Клаусене.

– Хороша картинка, – согласился Коган. – Там все будут против нас, все будут стараться нас убить.

– А что, когда-то было иначе? – усмехнулся Буторин. – Там трудно пройти? Значит, нам нужен проводник, который хорошо знает те места, и человек, который бы легализовал нашу легенду в Альпах. Мы же не в советской военной форме пойдем. И не со своими документами сотрудников НКВД. Что нам известно о группе «Химера»?

– Нам известен количественный состав группы, – ответил Шелестов, – и предполагаемое место приземления самолета в горах, который должен был доставить группу в Альпы. После взлета группа на связь не выходила. Отсюда и две линии развития нашей операции. Если самолет просто разбился в горах из-за непогоды или ошибки пилота – это одно. А если группа попала в засаду, если ее ждали там, то это совершенно иная ситуация для нас. Понимая суть цели, фашисты или американцы могут вполне разумно полагать, что будет и вторая группа захвата, и третья. Виктор прав, нам нужно создать иллюзию своей непричастности к данной цели. И подготовиться лучше сейчас. Потом в горах уже ничего изменить будет нельзя.

– Цель понятная, – вдруг сказал Коган, – но мне обидно, что главарей Третьего рейха будут ловить без нас. Очень хотелось бы взять за горло кого-то из нацистской верхушки. Почувствовать его горло в своей руке и видеть в это время его глаза. После всего того кошмара, ужаса, который фашисты осознанно принесли в этот мир, очень хотелось бы лично посмотреть в глаза этим нелюдям. А тут, значит, речь уже идет о том, что ученые могут создать машинку, которая будет думать вместо человека и думать быстрее? М-да... О том, как будет думать эта машинка, попади она в руки нацистов, мы себе уже представляем...

Глава 2

– В Австрию? – Берзарин молча уставился на Шелестова.

Максиму сразу стало понятно, что военному коменданту в Берлине приходилось решать множество проблем, в том числе и таких, которые решить было, казалось, невозможно. Но Николай Эрастович решал их: он организовал пункты выдачи пищи для населения с помощью армейских полевых кухонь, он организовал бесплатную выдачу молока немецким детям. При нем заработали муниципальные власти из числа старост, которых он утверждал. Расчищались улицы, собирались инвалиды и дети, оставшиеся без родителей, была налажена медицинская помощь населению. Удалось предотвратить опасные эпидемиологические ситуации. Максим еще не знал тогда, что комендантом Берлина генерал-полковнику Берзарину удастся пробыть всего 54 дня. Трагедия прервет жизнь этого деятельного, умного человека, которому будут благодарны жители освобожденной от нацистов столицы.

Комендант молчал меньше минуты, потом потянулся к телефону. Связисты дважды переключали его на разных абонентов, пока наконец Шелестов не услышал:

– Виктор Семенович! Вот ты где! Слушай, ты мне срочно нужен... Да, давай, я жду тебя.

Буквально через пять минут в кабинет вошел молодеватый офицер с седыми висками и погонами генерал-майора авиации. Без удивления генерал подал руку Шелестову и выслушал вопрос Берзарина.

– Из Берлина в Вену? Вдоль всей линии фронта? Это почти семьсот километров – не больше трех часов лета. И нужно будет оповещение по всему маршруту, иначе могут и сбить.

– За это не беспокойтесь, – пообещал Шелестов. – Дадите маршрут, бортовой номер, и Москва оповестит по всем бывшим фронтам. Еще и истребители сопровождения поднимут. На борт надо взять четверых пассажиров без груза.

– Ладно, раз такая надобность, – задумчиво ответил летчик. – «Ли-2» с полной заправкой подойдет. Через Прагу. В Австрию у нас 3-й Украинский фронт входил. Я так понимаю, вам садиться надо не на центральном аэродроме с оркестром и знаменами? Я свяжусь, и посадят вас на армейском временном аэродроме в пригороде. Четыре летных комбинезона вам приготовят...

Это он хорошо сообразил, подумал Шелестов о генерале, понял, что дело секретное и лететь нам с погонами майоров и подполковника не стоит. Через час пришло сообщение из Москвы о том, что командование 1-го Белорусского, 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов предупреждено о прохождении самолета «Ли-2» ВВ с бортовым номером 53. И еще через тридцать минут самолет поднялся в воздух. Второй пилот, когда самолет занял свой эшелон, вышел из кабины и прокричал Шелестову сквозь гул моторов, указывая пальцем в сторону иллюминатора:

– Нас будет сопровождать звено «лавочкиных» до Праги. Там нас примет другая авиагруппа до самого места.

Попутного ветра не было, но в целом погода оказалась подходящей, и самолет дошел до места за два часа сорок минут и опустился на аэродром южнее небольшого австрийского городка Брук. Снаружи темнело. Через иллюминаторы были видны зеленые вершины гор на фоне еще пока светлого неба. Как только винты остановились, к самолету подъехал «Виллис», крытый брезентом. Командир экипажа вышел к оперативникам.

– Прибыли, товарищ подполковник. Это за вами.

Около автомобиля стоял высокий плечистый офицер в накиннутой на плечи плащпалатке. Он дождался, когда четверо в летных комбинезонах спустятся по железному трапу, подошел и, козырнув, представился:

– Заместитель начальника отдела СМЕРШ 5-й ударной армии майор Борович! Вы подполковник Шелестов? Мне приказано поступить в ваше распоряжение. Комиссар госбезопасности Платов ввел меня в курс дела по ВЧ-связи три часа назад.

Шелестов мысленно вздохнул, но внешне не подал виду, насколько его тяготила такая вот «гонка». Такого рода поспешность редко приводит к положительным результатам. Чем тщательнее и аккуратнее спланирована операция, тем больше шансов на успех. А здесь... Хотя Шелестов не мог не оценить таланта Платова готовить операции в самых сложных условиях. В том числе в условиях дикой нехватки времени и недостатка информации. Вот и сейчас он сумел предусмотреть многое, находясь там в Москве, но держа руку на пульсе тайных событий.

– Хорошо, майор. – Шелестов бросил взгляд на наручные часы. – Нам нужна комната здесь, на территории аэродрома. Пусть даже армейская палатка, но выезжать сейчас за ограждение на глазах у посторонних мы не будем. Следующее, что вы должны сделать, – доставить сюда гражданскую одежду для нас, карту Альп...

– Есть, готово. Сейчас доставим сюда, – с готовностью кивнул Борович.

– Желательно аэрофотоснимки территории, – вставил Буторин, – основных перевалов, дорог, наиболее крупных поселений в горах.

– Уже приготовили, – кивнул майор. – Сейчас доставим. Я просто полагал, что вы разместитесь в городе, но сейчас всё доставим сюда.

Решение о том, где разместить группу, было принято мгновенно. Из строений, которые использовались военными для работы аэродрома и всех его служб, пригодными для жилья были лишь пять деревенских домов. В них располагался штаб, помещения для летчиков, радиозел, столовая. Учитывая, что группе Шелестова помещение нужно было всего на несколько часов, «выгонять» кого-то на улицу не стоило. Еще и в целях секретности. Для временного пристанища Борович быстро приспособил небольшой сенной сарай на краю поля. Группа, ничем особенно не выделявшаяся своими летными комбинезонами, успела перекусить в столовой, где на оперативников никто не обратил особого внимания. На аэродроме часто приземлялись и временно останавливались экипажи. Подразделение истребителей, базировавшееся на аэродроме в последние дни войны, передислоцировали восточнее, ближе к городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.